

ФЛОР

«Сейчас, когда в мировых шахматах появилось много вульгарно-деляческого, корыстного, неспортивного, следовало бы почаще обращать взгляд к безукоризненной фигуре С. Флора».

Ю. Нагибин, из предисловия к книге С. Флора
«Сквозь призму времени»

Запад есть Запад...

В большом мире идут постоянные споры: что делать? Кто виноват? У шахматистов свои заботы: шахматы — это наука, искусство или спорт? И еще — что есть советская шахматная школа? Споры продолжаются, а единодушных решений все нет. Появились скептики, которые бодро утверждают, что советской школы вовсе и не было. Правда, еще не вымерли поколения, уверенные в том, что не только была, но оказалась жизнеспособнее системы, давшей ей название, а экспансия этой самой школы перешагнула границы бывшего Советского Союза и распространилась почти на весь шахматный мир.

Было время, когда шахматисты нашей страны радовались первым удачам своих мастеров на международной арене, а позднее и полным успехам. Сравнительная неудача вызывала острую реакцию.

Вспомним 1978 год — второе место на Шахматной Олимпиаде воспринималось как катастрофа. Тогда из-за матча на первенство мира в Буэнос-Айресе не смогли выступить Карпов и Таль, но ссылка на это воспринималась как жалкий лепет оправдания. А за серебряные медали команде в причитающихся премиях было отказано.

Мне довелось быть тогда руководителем делегации. И при очередном «разборе полетов» я услышал упрек — ни одного волоска не упало с моей головы за второе место. Такой вот был «гуманизм».

Пораньше, в 1970 году, когда сборная СССР победила сборную мира в «матче века», шли поздравления с разных сторон,



В.Смыслов, М.Таль, С.Флор

но не от родного спортивного руководства. Запомнились красные гвоздики, которые по одной вручали гроссмейстерам в «Шереметьеве» во время подчеркнуто скромной встречи команды, прилетевшей из Белграда. Тогда все смолчали. Сегодня грубый человек мог бы сказать: «Заелись!»

Интересное явление в многовековой истории шахмат — появление советской шахматной школы. Росла, опираясь на собственные силы. Однако и Запад кое-что привнес. Речь пойдет не о спортивном вкладе, не о замечательных людях Пауле Кересе и Андрэ Лилиентале, а о Сало Флоре. Он ни в каких президиумах и комиссиях не заседал, ни в каких «битвах», приобретавших иногда склочный характер, не участвовал, однако своей многогранной деятельностью, своим авторитетом неизменно вызывал большой и положительный резонанс.

Сало Флор стал широко известен в СССР в 1933 году, в дни его матча с мастером Ботвинником. Они были молоды тогда. Ботвинник делал свой первый решительный шаг на пути к высшим достижениям, а Сало Флор имел уже репутацию претендента на шахматную корону. К 1938 году вопрос о матче на первенство мира между Алехиным и Флором был решен. Заключение формальный договор. Однако события большого мира поставили крест на шансах Флора. Его страна, Чехословакия, команду которой он пять раз возглавлял на Всемирных шахматных Олимпиадах, была растерзана гитлеровцами. И Флор остался вне родины. Восьмое, последнее, место в «АВРО-турнире», где собрались лучшие шахматисты мира, было, конечно, предопределено — шок. Прошло некоторое время, сила игры восстановилась, появились и новые успехи, но Флор, если можно так сказать, был тяжело ранен. С 1939 года Флор нашел в СССР свою вторую родину. Как блестящего гроссмейстера, выдающегося сеансера его у нас уже знали, но наступила пора, и все познакомились с его поистине золотым пером шахматного журналиста, самого авторитетного судьи, выдающегося тренера и просто умного, доброжелательного и спокойного наперекор суматошному времени человека.

Как-то Сало Флор давал сеанс в Москве. Это было, когда я учился в десятом классе, в учебный 1938-39 год. Состав старались подобрать покрепче, перворазрядный. Я получил приглашение, переданное через директора школы. Она освободила меня в нужный день от уроков и публично заявила, что это приглашение почетно для школы. Может быть, это отражало общественное отношение к шахматам, а может быть, и то, что у Елены Ивановны Голенковой, директора школы, сын Шура был квалифицированным шахматистом.

Флор играл быстро и, если участник сеанса был в нерешительности, мешкал, когда сеансер подходил к доске, хотя должен был делать ход немедленно, Флор протягивал к доске руку, будто собирался делать ход. Этот жест действовал без отказа.

Летом 1951 года мне довелось играть в полуфинале первенства СССР во Львове. Там я познакомился с Саломоном Михайловичем несколько ближе. Он играл успешно, занял первое место. В полуфинале играли известные мастера — Микенас,

Константинопольский, Симагин, Аронин, гроссмейстер Рагозин... В партии с Саломоном Михайловичем я, несмотря на недостаток амуниции, но при больших амбициях, затеял атаку и имел случай познакомиться с искусством защиты, бывшей, как известно, сильной стороной Флора. Но это запомнилось мне ничуть не более, чем один маленький эпизод.

Как-то Лев Аронин, находясь в группке молодых шахматистов, по рассеянности не поздоровался с Саломоном Михайловичем. И Саломон Михайлович с доброй улыбкой сказал ему:

— Давайте, Лева, мы договоримся, что, когда вы будете старше меня, я обязательно буду здороваться первым.

Потом я еще не раз и не два получал удовольствие от незлого и оригинального юмора Саломона Михайловича.

«Быть может, в Чехословакии климат такой, что получают наделенные удивительным юмором люди, такие, как Ярослав Гашек, Карел Чапек и, наконец, Сало Флор?», думал я.

Меня могут упрекнуть за такой ряд фамилий, но ведь Сало Флор, хоть и не был писателем, но журналистом был милостью божьей. С каким интересом встречали его комментарии читатели в популярном «Огоньке», во многих газетах! И, как правило, все его статьи освещались доброй улыбкой.

Сало Флор владел несколькими языками, но, скажем, не был отличником по русской грамматике. И обаяние его статей ни в коей мере не зависело от изысканности стиля. Будучи уже редактором, я столкнулся с целесообразностью такой технологии подготовки рукописи Флора к печати: надо сперва исправить все грамматические и грубые стилистические ошибки, перепечатать, а потом уже решать — что редактировать. Его работы были сильны содержанием, информацией и, конечно, юмором.

В энциклопедическом словаре «Шахматы» отмечено, что Флор был автором ряда книг, и приведены их названия, однако все они не на русском языке. Лишь одна книга — «Сквозь призму полувека» — издана на русском уже после смерти автора. Состоит она из его работ, опубликованных в периодической прессе.

Как-то Саломон Михайлович беседовал со мной. На столе стояли две пишущие портативные машинки. Одна с русскими

буквами, другая с латинскими. С улыбкой он мне пояснил, что последняя и является основным инструментом, обеспечивающим гонорары.

Что же касается «русского устного», то он был у Саломона Михайловича на высоте абсолютно достаточной, чтобы его слушали со вниманием и со склонностью к согласию.

Во время Отечественной войны, когда Флор находился в Тбилиси, пришло известие, что он признан гражданином СССР. После чего директор гостиницы, поздравив его, попросил перейти в другой номер, поскромнее, так как номер, в котором остановился Флор, предназначался для иностранцев. Что поделаешь, у гражданина СССР существовали не только права, но и кое-какие обязанности.

Однако в делах спортивных Саломон Михайлович сохранял небольшие привилегии. К примеру, если нужно было похлопотать об ускорении оформления визы, он мог лично обратиться в иностранное посольство. Рядовые граждане такого права фактически не имели.

Несомненно, Саломон Михайлович был очень трудолюбив. Он давал сеансы одновременной игры с большой, часто очень большой нагрузкой. Он объездил почти всю страну для выступлений. Непрерывно играл, писал, судил, тренировал и все это делал не так, как у нас обычно принято, то есть без подчеркнутого энтузиазма, без «трудовой вахты». Просто работал. Естественно, как дышал. Внешне он работал не спеша, но не опаздывал и не подводил, если обещал.

Одевался Саломон Михайлович тщательно, со вкусом, насколько я в этом деле понимаю. Во всяком случае не был врагом известного комфорта. Такое впечатление складывалось и от его небольшой, но ухоженной квартиры, обстановки, от очень приятного кофейного сервиза...

Мотивировкой постоянного труда Саломона Михайловича не были деньги. К этой субстанции он относился по-философски. Однажды он рассказал об аварии, которая постигла его новую автомашину «Волгу». Ему надо было лететь рано утром из аэропорта «Внуково». Он хотел поехать на такси, но его шофер настоял, что отвезет на этой самой «Волге». Очень хотел так выразить приязнь и уважение и настоял на своем. Отвез, а на обратном пути попал в аварию, и машина свалилась с высокой

насыпи, по которой пролегалo шоссе. Побилась, конечно. Водитель не пострадал. А Саломон Михайлович отнесся к немалой потере абсолютно хладнокровно. Бывает, дескать. Вроде как пешку потерял.

Еще до бурного развития кибернетики Саломон Михайлович очень ценил информацию — постоянно общался с различными абонентами, жившими во многих городах. Однажды я воспользовался его возможностями.

В 1978 году во Львове проводился зональный турнир. Поначалу объявили, что пять победителей получают путевки в межзональный. А за несколько дней до начала турнира Спорткомитет принял решение допустить экс-чемпиона мира Таля без отбора, а число путевок уменьшить. Меня послали, так сказать, представителем Москвы во Львов. Я потребовал официальную бумагу о сокращении выходных мест. Получил.

Львов — город высокой культуры. Там всегда было множество студентов, всегда интересовались шахматами. Для начала участников пригласил первый секретарь обкома. Я оказался в президиуме вместе с ним, с И. Бондаревским, главным судьей этого турнира. Настал момент, и мне предоставили слово, чтобы аргументировать сокращение выходных мест. Участники об этом уже прознали, и экс-чемпион мира Смыслов от имени участников выступил с протестом. Я в ту пору был некоторым образом связан с ним, не раз был его секундантом на межзональных турнирах. Я встал с бумагой в руке, а секретарь обкома Добрик потихоньку сказал мне: «Интересно, как вы будете выкручиваться?»

Потом участников пригласили подъехать к месту игры в новом львовском автобусе, комфортабельном и с телевизором. Ехать было совсем недалеко, и участники дружно отказались. Пошли пешком, а вскоре вручили мне протест. Подписали все, кроме Саши Белявского. Почему он не захотел — не знаю. То ли потому, что он львовянин и поэтому неудобно, то ли вообще не склонен к коллективному творчеству, подобно Ботвиннику, например. Во всяком случае обещали забастовать, так как нет соответствующего решения ФИДЕ. Тень первой советской шахматной забастовки меня не обрадовала, а Игорь Захарович Бондаревский почему-то считал, что ничего, рассосется.

Поздним вечером я позвонил в Москву, там связались с Флором, Флор — с Эйве, президентом ФИДЕ. Президент все утвердил и утром, придя на завтрак, я передал соответствующий привет участникам.

— Что будем делать? — спросил я одного. Он сказал, что играет белыми и поэтому — е4. Его партнер засмеялся и сказал, что ответит е6.

Хотя Игорь Захарович оказался прав, но без Флора могло и не рассосаться.

Отношения Флора с коллегами достойны уважения и подражания. Он был дружен с Эйве, помогал ему во время матча с Алехиным, когда Эйве победил. Причем послужной список Флора тогда был заметно ярче, чем у Эйве. Выходит, в душе Флора не было места зависти. У него были прекрасные отношения с Ботвинником, человеком весьма серьезного характера (теперь бы сказали крутого), и с другом Лилиенталем, который никогда и мухи не обидел. И с Алехиным, хотя содействовал Эйве, но матч Алехина с Ботвинником помогал готовить Флор. Доверяли.

Вероятно, если бы характер у Флора был похуже, он бы достиг более высоких спортивных успехов. Если бы он не был одарен в журналистике, может быть, уделил бы побольше времени занятиям шахматной теорией, целенаправленной подготовке... Это, как известно, тоже помогает.

Круг общения Флора не ограничивался шахматистами, он был гораздо шире. Были ли у него слабости? Я не знаю. Знаю только, что не прочь он был перекинуться в картишки. Я в этом плане полный профан, слышал только про какой-то кункен.

Правильно советовал известный писатель Ю. Нагибин почаще обращать взгляд к Флору. Потому что советовать: «Дети, будьте такими, как Сало Флор!» довольно смешно. Откуда взять ум, таланты и так далее. А вот подражать его стилю в работе — неторопливости, неустанности, точности — в известной мере достижимо.

Ю. Нагибин писал, что Саломон Михайлович любил делать подарки. Мне он однажды подарил авторучку. Оригинальную. Она стоит у меня на письменном столе в стакане. Как посмотрю — вспоминаю Флора. Приятно.

*Отказанный ферзевый гамбит
Чешская защита*

М. Эйве — С. Флор

6-я партия матча
Амстердам 1932

*Примечания М.М. Ботвинника
для ежегодника*

**1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♖f3 ♗f6 4. ♗c3
g6 5. ♗f4.**

Отказавшись на 4-м ходу от модных продолжений, связанных с 4...dc, черные избрали старинный вариант, встретившийся еще в 10-й партии матча Ласкер — Шлехтер. Кстати, это вариант может получиться и из защиты Грюнфельда (1.d4 ♗f6 2.c4 g6 3. ♗c3 d5 4. ♗f3 ♗g7 и т.д.). Идея хода 4...g6 очевидна. Черные пытаются развить королевского слона, не закрывая слона на с8. Но при правильном ответе 5.e3! ♗g7 6. ♗b3 или ♗d3 черные вынуждены укрепить пункт d5 ходом e6 и, таким образом, основная идея оказывается неосуществимой.

Попытка, предпринятая белыми (5. ♗f4), рекомендуется некоторыми теоретиками в аналогичном положении, однако лишь в том случае, когда черные не успели сыграть c6; здесь же она представляется несколько сомнительной, поскольку ход c6 черными уже сделан.

5...dc 6.a4.

После этого мало продуманного хода белые попадают в очень тяжелое положение.

Белые предполагали играть один из известных вариантов чешской защиты (1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♗f3 ♗f6 4. ♗c3 dc 5.a4) с той лишь разницей, что сделаны ходы ♗f4 и g6. Но эта разница оказывается очень существенной. Черные, пользуясь незащищенным положением слона f4, проводят любопытный маневр, обеспечивающий им позиционное преимущество.

Правильно было 6.e3, после чего разница между положением в партии и вариантом 1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♗f3 ♗f6 4. ♗c3 dc 5.e3 была бы минимальной.

6... ♗d5 7. ♗d2.

Это уже единственное продолжение: и 7. ♗g3 ♗:c3 8.bc b5, и 7.e3 ♗:f4 8.ef ♗e6 мало удовлетворительно для белых.

7... ♗b4!

В этом вся соль. На движение пешки e черные хотя бы дают шах на d3 и получают минимум двух слонов.

Конечно, на 8.e3 у черных имеется еще более сильное продолжение 8... ♗f5! 9.e4 ♗e6! 10. ♗e3 ♗g7 11. ♗g5 ♗d7, и черные попросту остаются без пешки.

Слабее было 7...b5 8.ab ♗:c3 9. ♗:c3 cb 10.d5 f6 11.e4, и белые стоят превосходно.

8. ♗c1 ♗g7 9. ♗b1.

Возможно, что следовало стремиться к скорейшему развитию, продолжая 9.e3 ♗d3+ (9... ♗f5 10.

♙:c4 ♘d3+ 11. ♙:d3 ♙:d3 12. ♘e2 не опасно для белых) 10. ♙:d3 cd 11.0-0, и белые, во всяком случае, успевают развиваться.

Но ход в тексте представляет собой очень хитрую ловушку. Кажется, что сейчас черные могут с успехом продолжать 9... ♘a2 10. ♖:c4 ♙e6, и положение белых критическое; например: 11. ♖b3 ♙:c4 12. ♖:c4 ♖d5 или 11. ♖c2 ♙b3 или, наконец, 11.e3 a5 12. ♖c5 ♘d7 13. ♖g5 h6 14. ♖g3 ♖b6 и т.д. Но в действительности после 9... ♘a2 10. ♖:c4 ♙e6 11.e3 a5 12. ♘g5!! белые получали превосходную партию.

9...a5 10. ♘a3.

Необходимо. Иначе следует b5. 10...c5.

Самое энергичное. Поскольку «защита» пешки d4 ходом e3 явно неудовлетворительна, белые вынуждены идти на обострение борьбы, что оказывается к выгоде противника.

11. ♙:c4 cd 12. ♘b6.

Белые, конечно, уже давно имели в виду этот ход. Но черные рассчитали несколько дальше.

12... ♖:b6 13. ♖:c8+ ♙d7 14. ♖c4.

Вынужденно. При 14. ♖:h8 ♙:h8 белые оставались без всякой надежды на спасение, т.к. нельзя играть ни 15.e3 d3 16. ♙:b4 ♖:b4+, ни 15. ♙c3 ♙e8!, и пешка d4 неуязвима.

14... ♖d8 15.e3.

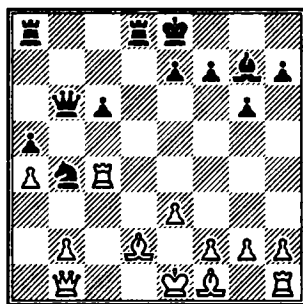
Немедленно проигрывало 15. ♙:d4 ♙:d4 16. ♙:b4 (или ♙c3) 16... ♙e8.

15... ♙e8 16. ♙:d4.

В случае 16.ed ♘8c6 белые проигрывали пешку d4.

16... ♘8c6 17. ♙:c6 bc 18. ♖b1.

Белые просматривают великолепную комбинацию противника. Однако при единственном ходе 18.b3 ♖d6 19. ♖b1 ♖ad8 20. ♙:b4 ab 21. ♙e2 ♙c3+ 22. ♙f1 f5! (не допуская хода ♖e4) белые скоро оказались бы зажатыми в железные тиски.



18... ♙:b2! 19. ♖:b4.

Нельзя было ни 19. ♖:b2 ♘d3+, ни 19. ♙:b4 ♙a3!, и черные выигрывают. Теперь же у черных только ладья и 2 пешки против двух слонов, но сильная проходная пешка b немедленно решает партию.

19...ab 20. ♖:b2 ♖:a4 21. ♙c4.

Иначе следует b3 и ♖a2. Проигрывает, например, 21. ♖h8+ ♙d7 22. ♖d4+ ♖:d4 23.ed ♖a1+

24. ♘e2 b3 и т.д. Ход в тексте также не спасает.

21... b3.

Все-таки! Пешку брать, конечно, необходимо.

22. ♗:b3 ♛b8.

Любопытно, что шах на h8 не приносит белым никакой пользы. Так же безнадежно 23. ♗:f7+ ♘:f7.

23. 0-0 ♘:b3 24. ♘h8+ ♘d7 25. ♘:h7 ♛a1!

Черные неугомымы. Одна неожиданность следует за другой. Конечно, в случае 26. ♛:a1 ♘b1+ 27. ♗e1 ♘:a1 и ♛b1 белым остается только сдаться.

26. ♗e1 ♘c4 27. ♘h3+ f5 28. ♘g3 ♛bb1 29. f3 ♘e2. Белые сдались. На 30. ♘f2 следует ♘:e1. Замечательная партия! Черные провели ее с редкой энергией и изобретательностью.